

ФИЛИССКІЯ ВЪДОМОСТИ.

Въ годовомъ изданіи годъ
 No. Каждый No. заклю-
 чаетъ въ себѣ 8 страницъ.

1831-го ГОДА.

Годовая цѣна за Кавка-
 зомъ 7 р.; полугодовая 4 р.
 сер; по Россіи 35 р. и 25 ас.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

РАЗСКАЗЪ ОФИЦЕРА, БЫВШАГО ВЪ
 ПЛѢНУ У ГОРЦЕВЪ.

(Оксоніе).

... Я увидѣлъ ... вы можете быть думаете Змѣя-Горыныча или по крайней мѣрѣ шигра на часахъ? .. нѣтъ Господа! видѣніе мое не было столь ужасно; и со вѣстѣмъ шѣмъ я остановился недвижимъ, будто вкопанный, разширя глаза какъ ястребъ на добычу и не смѣя шевельнуть усами, перевести дыханіе—однимъ словомъ я весь превратился въ зрѣніе!—Въ пяти шагахъ отъ меня въ бассейнѣ, выбитомъ водою купалась дѣвушка лѣтъ шестнадцати, прелестная какъ я не знаю что! Красавица не видала меня и продолжала плескаться. Когда она погружалась—черные ея волосы всплывали на верхъ пышными волнами, и попомъ сама она являлась на поверхность какъ водяная лилія. Долго стоялъ я любуюсь эшою горскою русалкою, и можете быть, чтобы не проронить ни одной изъ ея прелестей, я простоялъ бы шакъ до ночи, еслибъ ко-

ни мои, которымъ вода казалась пріятнѣе красоты въ перспективѣ, не заржали весьма неучтиво ... очарованіе разышалось ... дѣвушка подняла на меня свои очи, вскрикнула оиѣ изумленія и кажется испугавшись болѣе одѣшаго незнакомца, нежели того что сама была неодѣта, выпрыгнула изъ воды будто летучая рыбка—и поминай какъ звали. Сердце мое чуть не упорхнуло въ слѣдъ за нею сквозь разшворенной ротъ, какъ сыница изъ клѣтки ... но дѣлать было нечего. Кони мои принялись пить пофыркивая—да и самъ я глоталъ съ жадностію холодную ключевую воду, какъ будто заливая пожаръ. Это прекрасное средство для прохладженія сердца! Я пошелъ назадъ, правда еще поглядывая вправо и влево, но очень умно разсуждая о томъ какъ глупо привязывался къ чему нибудь мимолетному. Я еще былъ на половинѣ своего разсужденія, когда путь мой былъ уже при концѣ. Вползаю въ хату—и какъ я былъ удивленъ, увидя, что хозяинъ мой Сулейманъ сидѣлъ нѣжно склонивъ свою голову на колѣна очень красивой женщины лѣтъ за 30-ть.—Гайдаръ сидѣлъ противъ нихъ,

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ ПОДВИГОВЪ РУССКИХЪ

ЗА КАВКАЗОМЪ.

Экспедиція противъ Эривани въ 1804 году.

(Окончаніе).

Въ сей крайности надлежало немедленно прислушаться къ рѣшительнымъ мѣрамъ, по естъ, снятъ осаду или дать штурмъ. Прежде всякаго предпріянія, — Главнокомандующій, руководствуясь закономъ о Генералѣ ошъ Инфантеріи, изображенномъ въ 14-й главѣ Военскаго Устава, созвалъ Военный Совѣтъ, въ копорый по малому числу Генераловъ допущены были и Штабъ-Офицеры до чина Подполковника. Въ семъ Совѣтѣ Князь Циціановъ со всѣмъ рвеніемъ, копорое внушало ему великая душа его, спарался преклонить всѣ умы къ рѣшительно предлагаемаго имъ штурма; но большинствомъ голосовъ рѣшено было отступить.

Большо было Князю Циціанову ошказаться ошъ штурма и во всеподданѣйшемъ донесеніи ошъ изложилъ свое прискорбіе: „При

семъ случаѣ, говорилъ ошъ, не могу безъ сѣсненія сражаться и дѣтъ себя въ печеніи иррицанія иррицанія-лѣшнѣй моей службы, въпорымъ шолько въ Россійскомъ войсѣ снѣвшимъ блокаду сѣ города, не взявши его (по естъ 1770 года снѣшіе блокады сѣ Хошина), но повинуюсь закону, смѣлъ ли я на себя сѣ однимъ Генералъ-Маіоромъ Поршнягинымъ, прошивъ пятерыхъ, взяшь штурмъ, предаю справедливому Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣнію. Вредъ же изъ ошсупленія произойши могуцій въ умахъ сосѣдей и самой Грузіи естъ неизвѣстнымъ; пошому, что легковѣрне Азіатцевъ и хитроссть вельможъ ихъ, уловляющихъ народъ невѣроподобными реляціями, превышаетъ всякое воображеніе . . .“

3-го Сентября по пробиши вечерней зари начались пригошвления къ ошсупленію и 4-го числа на разсѣтѣ блокада была снята. Впечатлѣніе, произведенное надъ гарнизономъ въ продолженіе осады было шоль сильно, что при ошсупленіи, не сдѣлано ни одной вылазки изъ ирѣспещи.

Во время перехода ошсупающія войска, были обезпокоивае-

мы не большими лешучими опрядами.

Опошедъ отъ Эривани 8 верствъ, опрядъ остановился у деревни Калагиры. Персіане заняли высоты вокругъ лагеря и спрѣляли по Русскимъ изъ фалконетовъ, но безъ всякаго вреда.

На другой день опрядъ прибылъ къ Эчмиадзину, гдѣ пробылъ цѣлыя сутки, дабы исполнить просьбу Армянскаго Духовенства, кошораго большая часть, опасаясь преслѣдованія Персіанъ, забравъ монастырскія сокровища, удалилась съ опрядомъ въ предѣлы Грузіи (*).—

14-го числа опрядъ прибылъ къ Караклису благополучно, хотя и былъ часно дорогою обезпоеваемъ непріателемъ; въ особенності 10-го числа, на переходѣ

(*) Въ дневной запискѣ Князя Циціанова сказано: „6-е число употреблено на докольшіе войскъ провіантомъ, найденномъ въ монастырѣ Эчмиадзинскомъ и на приугошвленіе монастырскаго причета къ выходу при опрядѣ съ оспальнымъ богатшвомъ церковнымъ, дабы оное не попало въ руки Персіанъ.—Профессоръ Сирбіе по свидѣтельству Армянъ Іоханеса Осгерджана и Захарія Минасіана говоритъ: „Il le va donc le siège et vint (Князь Циціановъ) le 10 Septembre au siège patriarcal d' Etchmiatzin, prit differens objets et ornemens d' Eglise avec le consentement des chefs et il emmena avec lui plusieurs personnes de la communauté”. *Прим. Сог.*

рѣчки Лорпи къ рѣчкѣ Цибианлу, гдѣ Персидскія париты были подкрѣплены чешырьмя тысячами подъ начальствомъ Поручика Кули-Хана, кошорый, дѣйствовавши передъ симъ совокупно съ Александромъ Царевичемъ, по слуху о возвращеніи главнаго дѣйствующаго опряда, опспупалъ изъ Бомбаха къ Персидской границѣ. Непріятель въ семъ переходѣ казался намѣренъ былъ дѣйствовашъ рѣшишельно, надѣясь нанести послѣдній ударъ наступаящимъ войскамъ. Онъ старался занимашъ высоты и овладѣвъ узкими проходами, по коимъ надлежало пробирашъся опяду; но бывъ сбишъ съ высоты и какъ бы очарованный, какою-то пайною силою, оставилъ почти безъ бою заняшыя имъ выгодныя позиціи. Таково дѣйствіе перваго впечатлѣнія произведеннаго надъ непріателемъ въ Азіи.

Во все время опспупленія, ранено два Оберъ-Офицера и 16 нижнихъ чиновъ; убито 3-е нижнихъ чиновъ. Но болѣзни въ семъ походѣ сдѣлали неимовѣрныя опустошенія. Съ 4-го Сентября, по день опспупленія, включишельно по 14-й день прибытія въ Караклисъ заболѣло: 4 Шпабъ-Офицера, 25 Оберъ-Офицеровъ и 437 нижнихъ чиновъ; померло 5 Оберъ-Офице

ровъ и 140 нижнихъ чиновъ (*) Князь Циціановъ, продолжая во всеподданиѣйшихъ донесеніяхъ извѣлялъ свое огорченіе, что предложенный имъ штурмъ небылъ принятъ въ Военномъ Совѣтѣ, говоришь между прочимъ, что при штурмѣ Эривани, какъ бы оный не былъ кровопролитенъ, не могло бѣ бытъ столько убитыхъ, сколько померло отъ болѣзни во время ошсшупленія.

Снятіе блокады Эривани Княземъ Циціановымъ много способствовало къ умноженію шой знаменитости, ко порою пользовалась сія крѣпость въ умахъ Азіатцевъ. Взятіе оной въ послѣднѣе время разрушило очарованіе.

22-го Сенсября Главнокомандующій возвратился въ Тифлисъ. При появленіи Князя Циціанова, непріятельскія войска, безпоровишія Россійскіе предѣлы, исчезли, внутренне колебаніе умовъ прекратилось и все приняло надлежащій видъ.

Не всегда дѣянія славныя вознаграждаются заслуженною из-

(*) Къ крайнему сожалѣнію, при всѣхъ моихъ стараніяхъ, я не могъ получить удовлетворительныхъ свѣдѣній о причинахъ и свойствахъ болѣзни, свирѣпствовавшихъ въ семъ отрядѣ. Я крайне былъ бы признателенъ, еслибы кто изъ участвовавшихъ въ семъ походѣ доставилъ мнѣ хоть нѣкоторыя свѣдѣнія по сему предмету. *Пр. Сос.*

въспшностью. Своенравная молва большею частію разглашаетъ о ней только громкіе успѣхи, но не извѣстимой прошивуположенности злополучныя событія, коихъ жертва обратила на себя вниманіе какимъ либо необыкновеннымъ подвигомъ. Не спрашно ли должно казаться, что изъ столь достопамятнаго похода, какова экспедиція Князя Циціанова, въ памяти современниковъ сохранился одинъ только подвигъ Моншрезора. Спросите кого угодно, даже за Кавказомъ, о предпріятіи Князя Циціанова прошивъ Эривани и вамъ будущъ ошвѣчать не опредѣлительно, какъ о малоизвѣстномъ и даже малоизначуемомъ событіи. Отъ чего же такое не вниманіе къ знаменитымъ побѣдамъ, одержаннымъ въ семъ достопамятномъ походѣ, къ славному ошсшупленію Генерала Поршнягина и къ подвигамъ сыновъ Россіи, опличившихся въ сей экспедиціи многими частными примѣрами достойными Исторіи?—Пошому, что Эривань не была взята.—Такимъ образомъ видишь произшествія неразборчивая шолпа современниковъ; не будучи въ состояніи изслѣдовать причинъ, она судитъ о дѣлахъ по одному только счастливому окон-

чанію; но не съ шой почки зрѣнія глядишь на произшествія прозорливый глазъ просвѣщеннаго наблюдателя. Бѣда для Историка, если увлеченный мнѣніемъ толпы, онъ опрометчиво дерзнетъ основывать на ономъ свои сужденія; но счастливъ, если сравнивая дѣйствія съ причинами, ему удасться представить попомощву событія въ настоящемъ ихъ видѣ и если озаряя свѣтомъ крипики дѣянія, по своевольству судьбы покрывающіяся мракомъ несправедливаго забвенія, онъ можеть хощя нѣсколько содѣйствовать къ умноженію славы своихъ соотечественниковъ.—Я говорю соотечественниковъ, ибо не вполнѣ вѣрю существованію Историка Космополиста. Безъ сомнѣнія я убѣжденъ въ томъ, что разсмашивая событія, онъ долженъ бытъ одушевленъ одною чистѣйшею истинною; но никогда не повѣрю, чтобы онъ равнодушно могъ упоминать о добродѣтеляхъ своихъ единоплеменцевъ и чтобы кровь его не кипѣла при описаніи какого нибудь подвига соплеменныхъ ему людей. Удовольствие превозноситъ соотечественниковъ въ томъ что истинно заслуживаетъ похвалу, есть наслажденіе души благородной, есть, можно сказать, лучшая награда

для Историка. Таковою неоцѣненною наградою безъ сомнѣнія въ полной мѣрѣ будеть пользоваться тотъ, кому удасться описать Исторію подвиговъ Русскихъ за Кавказомъ. Желаніе видѣть когда нибудь предпріятіе сіе исполненнымъ, заставило меня помѣщать въ Тифлисскія Вѣдомости матеріалы для таковой Исторіи. Довершеніе подобнаго труда не такъ легко какъ можеть бытъ многіе думаютъ, и чѣмъ болѣе будеть медлить, тѣмъ болѣе вспрѣтятся препятствія въ исполненіи.—Жаль если совершенно будеть упущено къ тому время.—Кромѣ архивныхъ документовъ, весьма не полныхъ, нѣкоторыхъ преданій, весьма невѣрныхъ, и нѣсколькихъ записокъ, которыхъ трудно достать, а получивши не всегда можно разобрать,—другихъ матеріаловъ не представляется.—Исполненіе таковаго предпріятія однако же не невозможно, ибо Исторія сія относится къ событіямъ современнымъ, случившимся въ шеченіе тридцати двухъ лѣтъ текущаго столѣтія.—Періодическое изданіе можеть, какъ мнѣ кажется, лучше всего способствовать къ достиженію желаемой цѣли. Оно какъ печатный разговоръ между современ-

никами можешь содѣйствоватьъ къ изслѣдованію многого, даже полагаю, всего нужнаго. Еще существуютъ нѣкоторыя очевидныя свидѣтели описываемыхъ событий: успѣхъ будущъ не сомнѣнный, если каждый изъ нихъ, возбуждаемый высокими чувствами соревнованія къ опечистивенной славѣ и любовію къ истинѣ и даже подспрекаемый благороднымъ самолюбіемъ не откажется содѣйствоватьъ сему полному труду и не будетъ хранить молчанія, когда ему представится случай объяснить шемное мѣсто, или открытъ не извѣстное обстоятельство, или же замѣнить опшунленіе въ произшествіи повѣствуемомъ не въ надлежащемъ видѣ, или даже опровергнуть совершенно ошибочное мнѣніе.— Я съ своей стороны приму всегда съ признательно-спію всякое свѣдѣніе, всякое замѣчаніе, какое угодно будетъ мнѣ сообщать.

II. Сажковский.

Очеркъ Исторіи Армянскаго народа
ВВЕДЕНІЕ.

(Отрывокъ изъ Кавказскихъ

Записокъ) (*).

Исторія народа Армянскаго одного изъ древнѣйшихъ, несмотря на множественность важныхъ событий, въ ней заключающихся, имѣвшихъ сильное вліяніе на дѣла Востока, почти не существуетъ для Европы.

Во множествѣ изданныхъ донынѣ Всеобщихъ Исторій, обнимающихъ всѣ вѣка и народы, въ которыхъ помѣщаются самыя баснословныя и невѣроятныя повѣствованія о древности Китайцевъ, Египтянъ, Ассирійцевъ и проч., Исторія Армянская лишена права Гражданства, и не входитъ въ составъ оныхъ вполне, подобно Исторіямъ другихъ народовъ.

Объ Арменіи Европейскіе писатели поманушихъ Исторій, упоминають только тогда, когда нѣтъ возможности молчать, не нарушивъ справедливости весьма явно; подробности же только о царяхъ Аршацестѣ и Тигранѣ Великомъ по ихъ участию съ Ми-

(*) Извѣщая при семъ о изданіи Г-жею Кошовою Кавказскихъ Записокъ, мы сообщаемъ читателямъ нашимъ отрывокъ изъ оныхъ, въ надеждѣ удовлетворить ихъ любознательству. Прим. Изд.

придапомъ Царемъ Понтинскимъ въ войнѣ противъ Римлянъ и потомъ перерывисто до окончанія династїи Арсакидовъ. Послѣ чего Арменїя совершенно исчезаетъ изъ Всеобщей Исторїи.

Не имѣютъ ли права Армяне, сѣновать на столь несправедливое пренебреженіе ихъ Исторїи Европейскими учеными? Мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія о народахъ совершенно исчезнувшихъ съ лица земли какъ по: о Халдейцахъ Мидїанахъ и другихъ, а объ Армянахъ, народѣ существующей, многочисленномъ и находящемся во всѣхъ странахъ свѣта молчимъ.

Въ нѣкоторыхъ курсахъ Всеобщей Исторїи, особенно сокращенныхъ, нѣтъ даже ни одного слова объ Арменїи; какъ будто сіе Государство никогда не существовало, какъ будто нѣтъ сего народа на землѣ.

Вообразите себѣ Европейскаго юношу, получившаго изъ подобныхъ курсовъ понятїе о всѣхъ народахъ древнихъ и новыхъ, встрѣтившагося нечаянно Армяниномъ, — не долженъ ли онъ на сего послѣдняго смотрѣть какъ на существо ему не извѣстное? И услыша о народѣ Армянскомъ, многочисленномъ и занимающемся въ отношеніи къ торговлѣ значительными оборотами во всѣхъ частяхъ свѣта, не долженъ ли удивляться и думать откуда онъ произошелъ, не будучи извѣ-

стенъ и самой Исторїи; а кто сему причиною?

Многіе ученые мужи, достойные всякаго уваженія, издавна спарались прояснить мракъ облегающій Исторїю Армянскую. Въ недавнія времена особенно почтенные Венеціанскіе монахи изъ Армянъ, издали и продолжаютъ издавать любопытныя Историческія и Географическія изслѣдованія о древней Арменїи. Также Французское Королевское Азіатское Общество сообщило ученому свѣту многіе интересныя отрывки изъ рукописей Армянскихъ, хранящихся въ Королевской бібліотекѣ; но какъ вообще всѣ книги сіи (*) составлены болѣею частью изъ отрывковъ и напечатаны на языкѣ Армянскомъ, весьма немногимъ извѣстномъ, а на Европейскихъ самая малая часть, то сіи похвальныя усилія изторгнутъ Исторїю Армянскую изъ забвенія, на которое она столь несправедливо осуждена Европейцами, все еще не уменьшили равнодушія къ ней въ Европейскихъ писателяхъ.

Греческіе писатели, наполнившіе древнюю вою Исторїю баснями, родившимися въ пыломъ воображеніи ихъ Рапсодовъ, соединившіе тѣсно ее съ Мифологією, ста-

(*) Иллюстрація Исторїи Чамчиана, словарь собственныхъ именъ и Географическаго описанія издаваемыхъ въ Венеціи на языкѣ Армянскомъ При. Сег.

рались приписать себя отдаленнѣйшую древность и происхожденіе другихъ народовъ производили отъ своихъ баснословныхъ Ироевъ. Такимъ образомъ по сказанію ихъ, бывшіе съ Язономъ Аргонавты, основали многія царства на Востоку, а именно *Медусѣ* Мидійское, *Арменіусѣ* Арменію и такъ далѣе. Басни сіи, хотя не имѣютъ и штіи вѣроянія, но совсѣмъ штімъ достигли и до нашихъ временъ. Не распространяясь болѣе, можно рѣшительно сказать, что вообще все переданное Греками о древней Арменіи, прикрашено вымыслами и обезображено невѣроятностями.

Писатели Римскіе, въ первыхъ вѣкахъ основанія сей Имперіи не имѣя сношеній съ Востокомъ, довольствовались все не извѣстные имъ народы, по гордости своей, называвъ общимъ, унижительнымъ именемъ *Варваровѣ*, или переносывали баснословія Грековъ. Въ послѣдствіи, хотя упоминаютъ объ Арменіи съ должною почтностію, ни въ чемъ не разиась отъ писателей Армянскихъ; но къ несчастію періодъ сей весьма кратокъ. Въ первыя же времена царствованія въ Арменіи Арсациды, часто смѣшивавоу Армянъ съ Парянами, а по раздѣленіи Арменіи при Антаніи неоднократно подъ именемъ верхней Арменіи, разумѣютъ нижнюю и на оборотъ, а отъ

сего и разисвуютъ въ повѣствованіяхъ съ писателями Армянскими.

Нынѣшнія Европейскія Государства, владѣющія скипетромъ учености, получивъ первоначальное образованіе свое отъ Грековъ и Римлянъ, по необходимости должны были довольствованіемъ штіми Историческими свѣдѣніями, которыя упомянутые народы передали имъ объ Арменіи. Но какъ свѣдѣнія сія состояли все вообще изъ опривковъ прикрашенныхъ баснословіемъ; общей же связи въ происшествіяхъ, образованіи и постепенномъ ходѣ царства Армянскаго пріобрѣсти было не возможно, — то Арменія и сдѣлалась совершенно чуждою просвѣщенной Европѣ.

Когда же въ послѣдствіи времени люди ученые познакомили Европу съ писателями Армянскими, проливающимими яркій свѣтъ на происшествія самой отдаленной древности, бывшія отъ насъ сокрытыми(*) но привыкши уже вѣривъ Грекамъ и принявъ за основаніе басни ихъ объ Арменіи, спали недовѣрять писателямъ Армянскимъ, въ коихъ находили явныя прошиву-

(*) Знаменитый Ориенталистъ Аббать де Вильфруа еще въ предпоследнемъ вѣкѣ, разбирая Армянскія рукописи во Французской Королевской библіотекѣ хранящихся предсказывалъ о Исторической важности оныхъ. *Прим. Сот.*

рвчїя Греческимъ повѣствованїямъ, и какъ видно, не соглашались признавать древность основанїя царства Армянскаго. Рейнецію и другимъ писателямъ угодно было полагать основанїе Монархїи сей шолько въ III вѣкѣ до Р. Х. при Правителемъ Арташесѣ и Задрїадѣ, особенно мнѣніе сіе было основано на томъ, что Греки передали намъ такъ много о древнихъ Халдеяхъ, Мидянахъ и другихъ современныхъ Армянамъ народахъ, а о сихъ послѣднихъ говорятъ такъ мало и неудовлетворительно; а отъ сего Армянская Исторїя и не входитъ въ полнотѣ въ составъ Всеобщей.

Разсматривая причины сего обстоительства, не нужно большей прозорливости замѣтить, что недоувѣренность къ писателямъ Армянскимъ, излишняя, мало ограниченная довѣренность къ писателямъ Греческимъ и наконецъ сочиненїя Папистовъ, старавшихся сколько было возможно представлять характеръ народа Армянскаго съ самой дурной стороны, и наводить сомнѣнїя на достовѣрность Исторїи онаго, въ опмщенїе за несоглашенїе Армянъ съ Догматами Каподическаго исповѣданїя и непризнанїе Папской власти надъ собою, соединившись вмѣстѣ произвели шоль сильное предубѣжденїе

противъ древности Армянскаго народа. Но если бы ученые мужи взяли на себя трудъ разсмотрѣть и повѣрить всѣ причины, произведшія сіе обстоятельство, то вѣроятно лучше бы судили о Исторїи шоль древняго народа и не слѣдовали бы несправедливому мнѣнію Фререта и другихъ. Египтяне, Ассирїяне и другїе народы, обитавши долинь, по мѣстному положенїю своему скорѣе покорились Монархическому Правленїю, власти законовъ и духу благоустроеннаго Гражданскаго общежитїя и уже имѣли свои буквы и писателей, тогда какъ гористая Арменїя боролась еще съ домашними неустройствомъ и вела безпрестанную войну во время правленїя династїи Гайковой. Рукописи прежде упомянутыхъ народовъ легко могли перейти въ руки Грековъ чрезъ Орфея и другихъ путешествовавшихъ по Египту и сопредѣльнымъ съ нимъ странамъ. Греки могли изъ оныхъ почерпнуть свѣдѣнїя о тѣхъ народахъ, говорившихъ, какъ и слѣдуетъ, преимущественно о себѣ и передали въ послѣдствїи намъ. Гористыя мѣстоположенїя земель Армянскихъ, способствовавшїя дикой свободѣ, не устройствомъ и возмущенїямъ, заславляли первыхъ Царей Арменїи безпрестанно имѣвш

неприятныя дѣла съ непокорными и строптивыми обитателями, которыхъ защищала природа, и бороться съ могущественными соседями, отъ чего они не могли, подобно другимъ Государямъ, пещись о просвѣщеніи народа, и Армения, въ первыя вѣка своего существованія, весьма скоро достигши могущества и силы, еще далеко отставала въ образованіи отъ своихъ соседей; а какъ вообще воинственное Государство, не имѣющее своихъ собственныхъ писателей не весьма уважается учеными, то писатели народовъ современныхъ сему періоду, упоминали объ Армении только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Государство сіе имѣло вліяніе на дѣла ихъ отечества; но и въ сихъ повѣствованіяхъ національное самолюбіе заставляло искажать истину, и лицо страдающее была Армения, не могшая защищаться, не имѣя своихъ писателей. Сія повѣствованія, попавши въ руки Грековъ и будучи ими еще передѣланы и подведены подъ общій Мифологическій уровень, столь ими любимый, дошли до насъ въ неизлечимо-безобразномъ видѣ. При водвореніи династїи Арсацидовъ видно, что просвѣщеніе проникло уже въ Армению, ибо Царь Вагаршакъ даже повелѣлъ Маръ-и-басу Кадискому написать Исторію Армении, для составленія коей

сей послѣдній руководствовался матеріалами изъ рукописей, омысканныхъ въ Ниневійскихъ архивахъ, надписями на столпахъ и въ храмахъ бывшими и наконецъ изустными преданіями и народными пѣснями. Сочиненіе Маръ-и-баса для насъ доверливо, но служило руководствомъ Моисею Хоренскому при составленіи имъ Армянской Исторіи. Съ самаго же времени исправленія Армянскихъ буквъ Св: Месропомъ и приведеніи ихъ въ нынѣшній порядокъ (*), начали появляться Исторіографы и современные писатели, которые на языкѣ Армянскомъ передавали всю вообще Исторію Армении, или только описаніе событій своего времени. Рукописи сіи частію потеряны, частію находятся въ рукахъ совершенно незнающихъ оцѣнивать достоинство оныхъ. Тѣ, которые по счастію сохранены въ Венеціи, послужили руководствомъ Михайлу Чачіану для составленія Армянской Исторіи, доведенной имъ до 1784 года и напечатанной въ Венеціи на Армянскомъ языкѣ; нѣкоторыя же поступили во Французскую

(*) Съ точностію время изобрѣженія буквъ опредѣлишь трудно; а не лзя согласиться, что будашо бы Армяне въ печеніи 2528 лѣтъ не имѣли своихъ буквъ хоша и не приведенныхъ въ должное совершенство. Пр. Сот.

Королевскую библиотечку. Отрывки изъ сихъ послѣднихъ по временамъ сообщаются ученому свѣту съ отличными примѣчаніями почтеннаго Ориенталиста Г. Мартина. Эчміадзинская библиотечка также заключаетъ въ себѣ весьма много древнихъ лѣтописей, которыя давно ожидаютъ обзорѣнія ученыхъ людей. Сіи рукописи есть рудникъ, изобилующій Историческими сокровищами, могущій развѣстить весьма многія запутанности въ древней Исторіи. Блистательная эпоха просвѣщенія Арменіи, а именно 9, 10 и 11 столѣтія по Р. Х. была эпохою варварства и Феодализма въ Европѣ, а потому всѣ сіи сокровища восточной учености не могли проникнуть въ сію послѣднюю, будучи писаны на языкѣ мало извѣстномъ, особенно въ тѣ времена когда она не имѣла возможности заниматься и собственною литературою. А отъ сего Армянскія сочиненія того періода, сдѣлались добычею частныхъ лицъ и монастырскихъ архивовъ, покрывавась и донынѣ неизвѣстностію, ибо благодѣтельное книгопечатаніе еще не было изобрѣтено: съ Моисеемъ Хоренскимъ, Историкомъ V вѣка, Европа познакомилась не прежде 1736-го года, когда появился переводъ съ него на Латинскомъ языкѣ, братьями Вистонами ученицей. Новѣйшій и лучшій писатель Ми-

хаилъ Чамчянъ и до сего времени еще не переведенъ (*). Всѣ сіи обстоятельства соединяясь съ мало употребительностію языка Армянскаго въ Европѣ, способствовали къ несправедливому исключенію Исторіи народа сего изъ Всобщей.

Недовѣрчивость къ Историкамъ Армянскимъ основана болѣе на предубѣжденіи, чѣмъ на истинѣ. Принималъ за опредѣленное, что повѣствованіямъ о временахъ отдаленной древности должно вѣрить только тогда, если они не удаляются отъ обыкновеннаго порядка вещей— писатели Армянскіе заслуживаютъ безъ сравненія болѣе вѣротія, чѣмъ Греческіе, ибо у сихъ послѣднихъ вся древняя ихъ Исторія, состоящая изъ басень о богахъ и герояхъ, которыхъ они полагаютъ своими предками а Армянскіе повѣствуютъ просто о происшествіяхъ обыкновенныхъ и вся древняя ихъ Исторія не представляетъ чудесныхъ и невѣроятныхъ событій (**), тогда какъ

(*) Подробности въ отношеніи къ событіямъ Армянской церкви занимающимъ у него большую часть Исторіи, ошинею не ошлимають доскопичства у сего повѣствователя, съ одинаковою точностію говорившаго и о Политическихъ событіяхъ.

(**) Виснословное повѣствованіе о Царѣ Вагавѣ есть дѣлаже иное какъ Писани-

являясь съ ребенкомъ. „Вопль жена моя!“ сказалъ онъ, прехладнокровно указывая на эту женщину.

Я уже давно отвыкъ, живучи между Азіатцами отъ Европейскихъ семейственныхъ картинъ *св. домашнимъ дру-гомъ*; но живучи и въ свѣтъ не случалось мнѣ видѣть такого философскаго равнодушія въ мужъ. „Жена швол?“—спросилъ я, опешупая отъ удивления. . . .“ была или есть?“— „Надѣюсь и будетъ“ отвѣчалъ Гайдарь, пощипывая рукою въ котлѣ, въ которомъ варилась баранина. Сулейманъ улыбнулся. . . . жена Гайдарова ласково привѣтствовала меня и подвинулась чтобы дать мнѣ на коврѣ мѣсечко. . . въ это время конская шкура вислица надъ дверьми оппахнула и Гайдарь, увидя входящую дѣвушку, сказалъ „вотъ и дочь моя; пора ѣсть!“ Дымъ отбишны вѣтронъ клубился въ дверяхъ и скрывалъ отъ меня лице ея. . . . еслибъ я былъ Виконта д' Арлингуръ, я бы сказала что туманъ обвивалъ облакомъ ея воздушныя бока! Наконецъ дымъ разошнулся—это была моя русалка!—Невольное ах! вырвалось у насъ обоихъ; а вамъ я думаю вѣстно, что этошь карамболь вздохомъ, половина парши въ игрѣ любви. Какъ бы то ни было, но мы стояли другъ противъ друга краснѣя и блѣднѣя. Корощеѣбая сорочка подпоясанная ремнемъ прикрывала, но не скрывала стройный станъ. Я сравнивала ее съ Діаною;—съ кѣмъ сравнивала она меня?—трудно было дознаться—только она выше и выше поднимала глаза свои—до

того, что они остановились на одной чертѣ съ моими. Потомъ она улыбнулась такъ мило, что мнѣ захохоталось съ ея же легкой ягодку. Намъ готовились ѣшвы другого рода.

„Чудные вы люди!“—сказалъ Гайдарь, ставя передъ нами котелъ—, все вамъ надобно варить да жарить. То ли дѣло по нашему: вырѣзалъ кусокъ отъ живаго барана и кушай на здоровье. Вѣдь вы орлы, вы львы не спряпаютъ себѣ кушанья—за чѣмъ же и людямъ не дѣлать того же?“— Онъ присоединилъ примѣръ къ разсказу; разстѣжь пожемъ заднюю ногу барана и раздѣлай куски семьѣ своей—и все они принялись грызть сырое, кровавое мясо такъ что за ушми пищало. Изъ привезенной нами муки скатаны были шарики, брошены на минушу въ котелъ и потомъ все мы удили ихъ изъ воды своими пальцами, и по неволѣ подражая хозлевамъ вли едва обваренныя сверху и совершенно сырыя въ среднѣ клѣдки. Я бы жалалъ чтобы туда привели какого нибудь Француза-гастронома или опрячпаго Англичанина. . . . увѣренъ, что шрапеза наша отбила бы у нихъ охоту ѣсть на цѣлые три мѣсяца. При окончаніи обѣда, вмѣсто десерта пришацили мѣхъ домосаженной водки. . . . я лакомясь взглядами на прекрасную соедку мою—и пусть во мнѣ допнеть сердце какъ граната, если бы не промѣнилъ я тогда самый прихотливый, сполочный обѣдъ на безвкусный ужинъ подлѣ нея.—Какъ водится, послѣ эды мы принялись мыть руки, раз-

Греческія ими преисполнены. Но между тѣмъ мы столь привыкли вѣрять Греческимъ повѣствованіямъ, что не могли принять оныхъ за основаніе въ томъ видѣ какъ онѣ написаны, стараемся однако придать имъ Историческую важность, объявляя ихъ отвѣтственно. Такъ *Лекомте* изъяснялъ всѣ басни посредствомъ Морали; *Рабо де Сентъ Этьенъ* чрезъ Географію, *Дюлонъ* чрезъ Астрономію; *Бергеръ* чрезъ Физикъ; *Плюсь* чрезъ Героглифы и такъ далѣе. Но въ то же время недоверіемъ Историкамъ Армянскимъ въ простое повѣствованіе, сдѣланномъ ими базъ великихъ прикрасъ о происшествіяхъ въ ихъ Царствѣ, простирая се до того, что не вводимъ ихъ Исторіи во Всеобщую, оспаривалъ самъ самымъ древность Арменіи.

Но на чемъ се основано? Пронсхождение всѣхъ вообще древнихъ народовъ теряется во мракѣ вѣковъ. Все что писано о семъ предметѣ исполнено вымысловъ и многіе изъ сихъ народовъ считалъ свое существованіе не только деческой вымыселъ, и хотя долженъ знаменъ имѣть близкое отношеніе въ нѣлесской силѣ и красотѣ Вагакна, но не принимаются лишигерально Армянскими Историками, а считаеся баснею. *Пр. Сот.*

слѣдками, а даже сотнями тысячъ, а также заставляють по справедливости сомнѣваться въ Исторической своей достоверности.

Принималъ за основаніе книгу *Вышя*, какъ имѣющую лучшую Историческую достоверность противъ другихъ повѣствованій, мы знаемъ, что ковчегъ Ноевъ остановился на горѣ Араратской.

Что Ной вышедъ изъ ковчега основалъ себѣ первое пристанище въ самой близости поминутой горы, не отдаляясь отъ оной и выстроилъ для себя нѣсколько жилищъ съ пособіемъ своего семейства, се весьма естественно. Зданія сіи легко могли быти и изрядно устроены, ибо самое сооруженіе Ноева гигаантскаго ковчегъ, доказываетъ, что искусство построенія было нѣлессно до потопа, въ порядочной степени совершенства.

Слѣдуя Историкамъ Армянскимъ мѣсто гдѣ Ной поселился названо *Нах-чиванъ* (по Армянски первое пристанище). Городъ

(*) Родословныя Ассирійскихъ, Египетскихъ и Кытайскихъ Царей, восходящія до непомѣрной степени древности, и не имѣють нѣни вѣрности. Довольно взглянуть на Геродоша, Діодора Сицилійскаго и на Кытайскія лѣтописи особенно на разсужденіе о Кытайской Исторіи соч. Ланше въ началѣ путешествія Лорда Макаршиа помещенное на Французскомъ языкѣ. *Пр. Сот.*

сего имени существуетъ и понынѣ, недалеко отъ горы Арарата въ Армянской Области, нынѣ принадлежащей Россіи. Слѣдовательно мѣсто сіе есть первое, гдѣ поселились люди послѣ потопа; а какъ оно находится въ центрѣ древней Арменіи и составляло всегда часть оной, то страна Армянская есть древнѣйшая по своему населенію.

Ной похороненъ близъ Нахичевана, гдѣ и до сего времени показываютъ мѣсто сіе, по Армянски Керазманкъ называемое, ш. е. могила; жена же его Ноемгамера похоронена въ городѣ Марандѣ, коего самое названіе по Армянски значить: *мать тамо*, признавалъ Ноемгамеру, матерью всѣхъ людей по потоу живущихъ. Названія городовъ сихъ достигли и до нашихъ временъ безъ всякаго измѣненія и даны имъ самимъ Ноемъ.

Обстоятельство сіе требуетъ изслѣдованія и доводитъ до слѣдующаго заключенія: ежели Ной (*) далъ названіе го-

(*) Ной умеръ спустя 350 лѣтъ до потопа; слѣдуя тексту Библии, а столпотвореніе и смѣщеніе языковъ было водни Фалека, родившагося въ 527 году по потоу (смотри книгу Вышнѣ гл. 9 ж 10). Хотя Армянскія дѣшописатели, на коиъ ссылается Чамчианъ и говорятъ, что столпотво-

родамъ Нахичевану и Маранду, по какъ онъ говорилъ языкомъ до потопа, и по умеръ прежде столпотворенія — Вавилонъ — скаго, то Армянскій языкъ по сему выходитъ потъ самый, которымъ объяснился Ной; слѣдовательно до потопа! Конечно оный не могъ сохраниться въ своемъ первообразномъ видѣ, какимъ былъ во времена Ноя; но въ теченіи столѣтій тысячъ лѣтъ и столѣтій политическихъ переворотовъ Арменіи весьма измѣнился. Но онъ и въ нынѣшнее время составляется на Востоку языкъ сильной и богатый, имѣющій около 500 коренныхъ словъ.

рвеніе Вавилонское случилось въ 114 году по потоу, но сіе не только не можетъ быть приято, но даже не естественно; ибо первые люди рождали первенцовъ своихъ не прежде 100 лѣтъ своего возраста. По сему предполагая уже, что при сына Ноя, рождали ежегодно, то и тогда потомство Ноя въ 114 году не могло превышать 500 человекъ, (Симъ родилъ Арфаксада первенца своего на 100-мъ году своей жизни; Арфаксадъ же и слѣдующіе за нимъ Патриархи рождали первенцовъ будучи 150 лѣтъ и болѣе), то натурально ли что столь малое количество людей могли въдумать спростъ столбъ до неба; да и Ной, будучи человекомъ праведнымъ и уважаемымъ въ своемъ семействѣ, до того бы ихъ не допустилъ, ежели бы былъ живъ. Пр. Сог.

Какъ ни странно покажется мнѣніе о древности народа и языка Армянскаго, но повѣствованія Армянскихъ Историковъ о вышеозначенныхъ предметахъ могутъ быть достоверны по слѣдующимъ причинамъ:

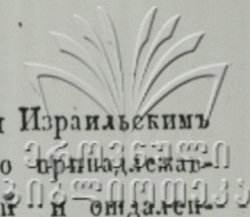
Израильскій Историкъ Моисей, первый передалъ намъ извѣстіе о пошопѣ и Ноѣ. Но его Исторія не прежде сдѣлалась извѣстною Армянамъ, какъ по преложени Библии на ихъ языкъ, послѣ принятія ими Христіанской вѣры; да и самое сношеніе съ Евреями имѣли они не прежде 700 года до Р. Х. чрезъ Вавилонянъ (*). Прямое же не ближе Тиграна Царя Армянскаго, боевавнаго въ Палестинѣ пропавшій Иудейскаго Первосвященника Гиркана не задолго до Р. Х. Но если согласишься, что сношенія сіи существовали и прежде, то Армяне не могли принять за основаніе повѣствователя народа чуждаго, исповѣдывавшаго иную вѣру, а вѣроятно имѣли о семъ происшествіи свои собственныя преданія.

Древнѣйшій Армянскій лѣтописатель есть, еколько извѣстно, Маръ-и-басъ Кадинскій, составившій Исторію Арменіи

(*) Смощри Исторію Царствования Ратъъ во II Періодѣ сей Исторіи. *Прим. Сот.*

по порученію Царя Вагаршака, воцарившагося въ 152 году до Р. Х. Исторіи оному служили основаніемъ лѣтописи, изъ коихъ одна опысканная имъ въ Циневійскомъ архивѣ, имѣла слѣдующее заглавіе: „Сія книга переведенная по повелѣнію Александра Македонскаго съ Халдейскаго на Греческій языкъ, содержишь въ себѣ Исторію трехъ первыхъ людей: Зерована, Тигана и Гафена, также повѣствованіе о достопримѣчательныхъ происшествіяхъ многихъ лѣтъ, Маръ-и-басъ къ сей лѣтописи прибавилъ послѣдующія событія и довелъ оную до царствованія Аршака первого.

Моисей Хоренскій, первой по древности изъ числа Армянскихъ Историковъ до насъ дошедшихъ, пишетъ, что онъ имѣлъ сочиненіе Маръ-и-баса Кадинскаго и описывая согласно съ нимъ древнія происшествія, упоминаетъ о Ноѣ, о построеніи Нахичевана; о смерти же Ноя, о похороненіи жены его въ Марандѣ и о томъ, что названіе Нахичевана дано самимъ Ноємъ упоминаютъ: Іоаннъ Католикосъ, писатель IX вѣка по Р. Х., самый краснорѣчивый и точный; Варшанъ Исторіографъ XIII вѣка по Р. Х., имѣвшій сносы справляясь со многими архивами

и древними рукописями и памятниками, и, наконецъ изъ Греческихъ, церковный писатель Евсевій, переведшій и слово Нахичеванъ по-Гречески въ настоящее его значеніи.

Теперь родился вопросъ: всѣ сіи писатели въ повѣствованіяхъ своихъ о потоцѣ, Ноѣ и соединенныхъ съ симъ обстоятельствахъ, слѣдовали ли Маръ-и-басу и другимъ древнимъ сочиненіямъ до насъ достигшимъ, или Библии? Слѣдуя оной писатели сіи, какъ особы духовныя, передали бы намъ о потоцѣ только точную выписку изъ книги Бышія.

Но въ ихъ повѣствованіяхъ видно различіе въ случаяхъ: они упоминають о построеніи Нахичевана, Маранда; о дачѣ симъ городамъ названій самимъ Ноемъ; о смерти Ноя и похороненіи его въ Нахичеванѣ; о женѣ его Ноемгамерѣ и о похороненіи ея въ Марандѣ, тогда какъ всѣхъ сихъ подробностей въ Библии нѣтъ (*). Изъ чего ясно видно, что сіи писатели имѣли въ рукахъ весьма достоверныя рукописи, въ коихъ изложены были упомянутыя обстоятельства, ибо безъ важнѣйшихъ причинъ они, какъ люди, принадлежащіе къ духовному сословію, никогда не отступили бы отъ текста Библии.

Вышеупомянутыя подробности лег-

(*) Весьма жаль, что Моисей Хоренскій, будучи воспитанъ въ Греціи заразился приспращіемъ къ Греческимъ баснямъ и шѣмъ много ошдлъ достоинства у своей Исторіи. Пр. Сог.

ко могли бытъ пропущены Израильскимъ Историкомъ, какъ особенно принадлежащія къ странѣ ему чуждой и отдаленной, а въ древнихъ рукописяхъ, изъ коихъ означенные Армянскіе Историки почерпнули свои свѣдѣнія, были сіи послѣднія сохранены, ибо принадлежали собственно до Арменіи.

Послѣ смерти Ноя, дѣти его, каждый имѣя собственное семейство, должны были раздѣлились, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Нахичеванъ съ окрестностію остался во владѣніи Гафета, а Симъ и Хамъ удалились къ Сеннаарской долинѣ, и ежели потомки Ноя разсѣялись во всѣ страны, то еще натуральнѣе, что они въ значительнѣйшемъ количествѣ остались и поселились около тѣхъ мѣстъ, гдѣ погребены ихъ праотцы; слѣдовательно окрестности Нахичевана и Маранда были обитаемы народомъ со времени потоца, что народъ сей есть Армяне и основатель династїи ихъ былъ Гайкъ, доказываетъ шѣмъ, что они и до сего времени сами себя называютъ Гайкане, и на ихъ языкѣ нѣтъ для сего другаго названія.

Что Гайкъ находился при Немвродѣ однимъ изъ приближенныхъ, сіе ни мало не удивительно, ибо могло произойти отъ сходства въ занятїяхъ по звѣроловству, искусству его въ семъ упражненіи и шѣлестной силѣ въ тѣ времена столь уважаемыхъ, какъ превосходныя достоинства. Что Гайкъ поссорившись съ Немвродомъ послѣ столдошворенія Вавилон-

скаго въ 584 лѣто по потопись бывшіе (*), отпра- вился къ своему отцу въ Арменію, начальствовавшему надъ попомствомъ Га- фшовымъ и не дойдя до Нахичевана, ос- тановился у обитателей, живущихъ въ лѣсахъ и силами плѣсною и правешвен- ною покорилъ ихъ и поселилъ селеніе; а послѣ смерти онца своего получилъ начальство и надъ всѣмъ народомъ, оби- тавшемъ въ той странѣ и былъ осно- вателемъ Монархіи Арменской и что ему наследовали Цари его поколѣнія, вели вой- ны и разгосираяли свое владѣніе.—Вопыть что описываютъ Исторіки Армянскіе и не должны ли мы имѣть къ нимъ довѣ- ріе, смотря на нихъ съ настоящей точки зрѣнія, ибо все повѣствуемое ими, весьма естественнo, близко къ истинѣ и не основано на чудесахъ невозможныхъ.

Что Царство Армянское имѣетъ неоспоримое право на древность, довольно взглянувши на сочиненіе Діодора Сицилій- скаго, говорящаго о современномъ Пону Царѣ Армянскомъ т: е: за 1820 лѣтъ до Р. Х. Царь сей вѣроятно имѣлъ предше- ственниковъ, а не былъ первымъ основа- телемъ своей Монархіи, ибо о семъ Діодоръ, какъ плодовитый писатель, не замедлилъ бы упомянуть; на Ксенофонна, упоминав- шаго о современномъ Кипру Царѣ Армян- комъ Тигранѣ и на пророка Іеремію, про-

(*) Смощри примѣчаніе 2-е перваго періо- да сей Исторіи. Пр. тСо.

рочествовавшего въ началѣ VII столѣтія до Р. Х. объ Арменіи подъ именемъ Арарат- скаго царства (*). Величіе же Арменіи во времена Тиграна II подтверждается Плунархомъ, говорящемъ въ жизнеописа- ніяхъ великихъ мужей о могуществѣ сего Государя, повелѣвавшего многими Царями, для чего и даешь ему шишула Царя Царей.

Всѣ сіи событія и доказательства увле- кають насъ къ мнѣнію, что послѣ потопа Ной поселился, жилъ и умеръ въ Нахиче- ванѣ; а изъ сего слѣдуетъ, что страна Ар- мянская первая населена людьми послѣ потопа, что языкъ древней Арменіи есть языкъ на коемъ объяснялся Ной; слѣдова- тельно до потопа, и наконецъ, что мы можемъ имѣть довѣріе къ лѣтописателямъ Армянскимъ; почему въ предлагаемомъ у сего очеркѣ Армянской Исторіи, особенно древней, мы почли справедливымъ слѣдо- вать преимущественно повѣствованиямъ Армянскихъ писателей.

(*) Послѣ Араа 8-го Царя Армянскаго изъ династіи Гайковой, иностранцы всегда называли по его имени Арменію Арара- тшею (смощри его Царствованіе). Пр. тСо.

Въ нѣкошорыхъ № Тифлисскихъ Вѣде- месней на страницѣ 125, въ примѣчаніи вкралась ошибка:

Напечатано: ситай:
Венеціи изданныхъ издавшихся въ Венеціи!

брали ложе подлѣ фонтана, подлѣ навѣсомъ скалы. Мягкій мохъ былъ посыпанъ рукою Шалиби—ея рука была моимъ из годовемъ. Мы не понимали языка другъ друга,—но сердца говорили тѣмъ понятнѣе. Въперѣ такъ тихо вѣдѣ на насъ, ключъ такъ сладостно звучалъ подлѣ; звѣзды сверкали будто пренеща отъ удовольствія! Блаженная ночь! На зарѣ я проснулся отъ свѣжаго сна, но Шалиби еще спала. Прильпивъ къ ней взоры я безмолвно любовался прелестнымъ лицомъ ея. Сперва я чуть видѣлъ его сквозь сумракъ—но свѣтъ разливался ярче и ярче—и она будто развертывалась передо мной розою. Какъ въ чистой водѣ видны игривыя рыбки, такъ на невидимомъ лицѣ ея изображались веселыя мечтаны, которые мелькали ей сквозь сонъ; рѣсницы ея порой дрожали, порой улыбка печатала свои милыя ямочки на щекахъ... наконецъ она пробудилась отъ жаркаго моего дыханія и засыдаясь, скрыла лице на груди моей.

Женщины съ косами встрѣтили насъ толпою—онѣ шли на работу; напротивъ мужчины сидѣли на порогахъ съ дѣтьми: иные на грубыхъ станкахъ ткали сермягу: Сулейманъ располоковалъ мнѣ, что здѣсь женщины исправляютъ всѣ мужскія работы, между тѣмъ какъ мужчины заняты ихъ заботами. Это мирная Амазонская республика, подумалъ я.—

Къ вечеру, возвращаясь съ водою, я былъ изумленъ шумомъ толпы около хижины Гайдаровой—пробиваюсь ближе и нахожу мою Шалиби въ слезахъ между

двумя молодыми Богучеманами. Одинъ изъ щилъ ее къ себѣ, другой къ себѣ. Увидя меня она вырвалась изъ рукъ сердитыхъ дикарей и бросилась ко мнѣ съ радостнымъ крикомъ, прося защиты., Что это значить?—съ гнѣвомъ спросилъ я у Гайдара, который преспокойно глядѣлъ на это—.,Ничего.—отвѣчалъ онъ по Аварски—.,Ты пустилъ въ славу дочь мою; теперь ей не отбиться отъ жениховъ. Оба эти молодца хотятъ взять ее въ жены.—.,Кому же изъ нихъ ты хочешь отдать ее?—спросилъ я.—.,Это не мое дѣло.—возразилъ онъ—.,вѣдь они не на смѣхъ хотятъ жениться. У насъ всѣ мужчины равны; мы не знаемъ ни вѣщаго свата, ни колыма (выкупа), ни мѣши (временной брады). Кто сможетъ прокормить семью, да склать себѣ домъ, тому отъ любой дѣвѣ отказъ. Эти молодцы оба люди заживные.—.,Но любитъ ли кошораго изъ нихъ Шалиби?—.,Привыкнетъ полюбить; а между собою пропивники рѣшатъ какъ смогутъ.—

Между тѣмъ соперники отъ брани и угрозъ перешли къ ударамъ и дракѣ... они схватились бороться. Зрители составили около нихъ полукругъ и криками ободряли по одному по другому.

.,Здѣсь драка—обыкновенное средство рѣшать споръ за невесту.—сказалъ мнѣ Сулейманъ.—.,Иногда бывастъ, что одинъ другаго пырнетъ ножомъ въ бокъ и кто остался живъ тотъ и мужъ, безъ дальнихъ обрядовъ.—.,По крайней мѣрѣ покуда я здѣсь.—возразилъ я обнажая кинжалъ—.,никто не тронетъ пальцемъ моей

чесать бороду. Хозяин смотрел на нас с усмешкою, чтобы не сказать с насмешкою., Какая неспособность! — молвила онъ началъ головою —, выпился двадцать разъ вь день! —, Развѣ ты никогда не мочился? — спросилъ я. —, О нѣтъ! — возразилъ онъ —, великъ развѣ меня мочить дождикъ! — Нѣтъ было и спрашивать о чесаньи у всѣхъ присутствующихъ. Вогучемны не знаютъ ниаго грѣбля кромъ свой наперни — Сулейманъ, какъ и всѣ люди на сужбинѣ, хотѣлъ казаньемъ наболить и желалъ быть въ самомъ дѣлѣ, и прѣвѣжно разославъ свой шурупъ прѣдъ порогомъ, спалъ на ковчѣи, дунуль на обѣ стороны, чтобы отогнать нечистыхъ духовъ, зажмурился и сложивъ руки на груди началъ шворить намазъ, покачивался шуда и сюда. Куча любовныхъ, которые подобно комарамъ толкались около, глазами разинувъ ротъ на всѣ эти прѣдѣлки, надѣясь вѣрѣнно что Сулейманъ хотѣлъ позабавить ихъ и поидеишь вверхъ ногами. Но видя что онъ только бормочетъ про себя, прислушались ко мнѣ съ вопросами, черезъ Гайдаръ... Онъ молвила Вогу? — отвѣдалъ я. Гайдаръ запылуел переводя мой отвѣтъ. —, У насъ нѣтъ этого слова, сказалъ онъ; бывая у сосѣдовъ часто я слышался, что они то проситъ чего нибудь у неба, то благодарятъ за что нибудь... мы объ этомъ не думаемъ, такъ этого и не дѣлаемъ! — У нихъ нѣтъ никакой вѣры, даже нѣкакого суетвѣя.

Тыи густѣли, ночь обступала насъ.
„Пораспашь.“ — сказала Гайдаръ —, Другъ

Сулейманъ, ты не гость а хозяинъ въ мой хижинѣ, извини, что я не могу предложить тебѣ посидѣло почепицу съ сесирѣи или съ матерью — ихъ у меня давно не спало. Воиъ же тебѣ мой жена; — воиъ тебѣ мой докъ! — привалилъ онъ подводя ко мнѣ заруку красивую Шалиби —, Добро го сна! — Я слышалъ и не понималъ — я думалъ пошутяишь ли надомной, не во сиъ ли я это вижу. Сулейманъ захохоталъ, глядя на мое сомнѣиъ, „Вери скорѣй!“ — сказала онъ мнѣ на ухо —, здѣсь такъ и обычай потчиваиъ гостей, и сохрани Аллахъ, если хозяинъ подумаетъ, что ты хочешь обидѣть его приказомъ, еще будетъ хуже если завтра... повидаешь? — Въ такомъ случаѣ прѣрѣкаю что ты проснешься безъ головы.“ — „Если не умру съ радости вскричала я — привлекла къ себѣ на грудь стыдливую красавицу —, то мы выведемъ живы и здоровы!“ — Я не видѣла свѣту когда стала въ своихъ объявилъ Шалиби: и можно предсавить себѣ восхищенiе челоавка, когда то щастiе, о которомъ не смѣлъ онъ подумать, какъ голубь прилетѣло къ нему на руку! Гайдаръ съ большимъ удовольствiемъ глядѣлъ на мои бѣшеныл ласки. „Я была увѣренъ!“ — сказала онъ глядя, дочь поголовъ, — что мой Шалиби понравится чужеземцу. Длброй ночи дѣви!“ — Мать ея, обнявъ одною рукою Сулеймана, пошептала что-то на ухо дочери, и она красная, какъ маковъ цвѣтъ, опустила рѣсениды, на которыхъ дрожали слѣзы, слушала ее. И не хотѣлъ ни съ кѣмъ дѣлаться тайнаиъ любви. — Въ хашѣ было такъ людно и душно — мы на-

Шалиби.“

Соперники сжесточались болѣе и болѣе; задыхаясь они перзали другъ друга ногтями, зубами, кулаками. Мѣсто на которомъ борелись они было на самомъ краю ущеса—они кружились, влялись и наконецъ одинъ поднявъ своего противника ударилъ о землю, но вмѣстѣ съ эмиръ самъ потерявъ равновѣсие, оступился, и оба полетѣли къ низу. Снопъ вырвался у всѣхъ зрителей. Шалиби, у которой доселѣ написанъ былъ страхъ на лицѣ,—съ крикомъ сожалѣнія протянула руки, какъ будто желая удержать своихъ преслѣдователей. Я подбѣжала къ краю кровавый слѣдъ по острымъ камнямъ указалъ мнѣ вдали, въ глубинѣ что то красное: это были тѣла несчастныхъ искалеченныхъ супружесива. Зрители разошлись съ печальными лицами но безъ удивленія, будто этому такъ и должно было быть. Долго, долго, даже въ объясненіяхъ Шалиби, мнѣ представлялась кровавая развязка эта: она вздрагивала отъ ужаса.

Три дня провели мы между этими дѣтьми природы, незнающими никакого начальства и пошому никакого властолюбія; чуждыми почти всѣхъ спрасней, всѣхъ пороковъ общества—но незнающими за то никакихъ его выгодъ; между людьми, такъ сказать, не покинувшими еще животного состоянія: это была одицетворенная утопія Жан Жака только грязная, не нарушенная, магая. Только при дни былъ я счастливъ моею Шалиби, съ которою свелъ меня случай, а соединило сердце.

Какъ сладостно было мнѣ слѣдить на неопытной, безъ искусственной души, разцвѣтъ любви, подслушать первыя вздохи, уловить первыя ласки. Не знаю чтобы не отдалъ я, чтобы остаться въ этой безплодной пустынѣ, между народами почти безмысленнымъ, для ней и ст. нею! Но Сулейманъ и по остался для меня на третій день—безразсудно и несправедливо было требовать большаго; мы собрались. Хозяинъ навьючилъ заводную лошадь мягкими овчинками—единственнымъ товаромъ, на который вымѣнивають Богучемены муку, водку и грубыя издѣлія отъ сосѣдей, незанимаясь сами ни земледѣльствомъ, ни ремеслами. Мать Шалиби, т. е. старинная подруга Сулеймана плакала на взрыдъ провожая его; Шалиби не хотѣла выпустить меня изъ объятий и даже когда я вспрыгнулъ въ сѣдло, она почти безъ чувствъ ухватилась за стремя. . . . сердце мое разрывалось, но разлука была необходима. Сулейманъ ушмалъ ихъ обѣихъ, общая, что мы скоро возвратимся къ нимъ въ гости—добрый Гандаръ пререовалъ непремѣннаго слова. . . . мы дали его. . . я поцѣловалъ въ лобъ мою предестинную, печальную подругу—и ринулся впередъ, боясь оглянуться. Проскакавъ во весь духъ селеніе, и снова подымаясь на противоположную гору—я оборотилъ голову—Шалиби стояла на высокомъ камнѣ съ простертыми ко мнѣ руками—не умѣю описать какъ мнѣ стало тяжко. . . . спускаясь за холмъ я привсталъ на спременахъ, чтобы въ по-

каждый раз взглянуть на нее — она все еще смотрела в слэдъ мнѣ

Я вѣдалъ впередъ бросивъ повода, безчувственъ ко всѣмъ опасностямъ. Хозяинъ мой былъ врачень прошивъ обыкновенія. „Вотъ уже двенадцать лѣтъ, дважды въ лѣто, ѣзжу я новьдаться съ милсю — сказалъ онъ наконецъ — „вникогда не было мнѣ такъ грустно разставаться съ нею какъ сегодня . . Неужели съ сѣдиною въ ушѣхъ западаетъ горячая любовь въ сердца? — Я думалъ самъ себя — нѣтъ не сѣтишь солиду жарче лѣтшиго, не любишь сердцу крѣиче прежшго!

Мы перевалили хребетъ къ вечеру и почевали довольно далеко въ землѣ Аварской. Въ полночь, Сулейманъ разбудилъ меня крикомъ своимъ. „Что съ тобой?“ спросилъ я — „ты дрожишь. ты испуганъ? — Но онъ долго и пристально глядѣлъ въ темноту. „Аллахъ Берекетъ!“ — (хвала Богу), наконецъ произнесъ онъ, опускаясь — „а то былъ сонъ, только недоброй сонъ: я видѣлъ блую женщину!“ — „Велика бѣда!“ — возразилъ я — „Думаю что въ красныя и пестрыя для теби не очень страшны!“ — „Оне шуми эшимъ!“ — „опытаешь Сулейманъ, въ здѣшнихъ горахъ, когда то давно, одинъ Аварской Ханъ увезъ отъ родныхъ насильно какую-то красавицу — обольстилъ ее, и боясь преслѣдованій убилъ въ пустыи. Съ тѣхъ поръ каждую ночь скинается она по горамъ въ блвой чадръ, прыгаетъ съ хохотомъ на плеча запоздалыхъ охотниковъ, за сѣдо здоковъ, и вѣдуешь бѣду кому явиш-

сл. Она-то приходила ко мнѣ и ложилла свою ледлиную руку на мое плечо и потомъ страшно погрозила пальцемъ . . Я засноналъ и проснулся! — Искендаръ, со мной бытъ худу! — Я услышавъ такіа слова опъ Койсубуинца очень удивился. Между ними не замѣнилъ я втры въ домовыхъ, въ привидѣній, въ мершвецовъ и во всю могильную сволочь. Однакожь разу-вреній и насѣтки мой остались напрасны. „Въ этомъ не сомнѣваетел ни одинъ Аварецъ!“ — возражалъ онъ — и верочался съ боку на бокъ остальную часть ночи. —

День разсѣялъ пустыне спрахи Сулеймана. Погода была прекрасна. мы бодры. Подъ вечеръ яновали мы Хунзахъ; завидя вдали прохожихъ или работающихъ, мы завидывали на лице долгиа лопасни своихъ башлыковъ, словно рыцарское забрало, и когда шакимъ образомъ случалось проѣзжать сквозь селеніе, ни-книко не обращалъ къ намъ вопросовъ и при-вѣтновъ, только женщины любопытно глядѣ вельдъ говорили между собою „они ѣдутъ за душой!“ — Почти у всѣхъ Кавказскихъ горцевъ на кромощеніе вздаты съ за-крытыми лицами, и задержать человека или помѣшати ему въ исполненіи эшаго долга, сочли бы сляшотатствомъ. Мы поворотили влѣво . . . дождевыя облака обложили небосклонъ. — Версты за двѣ до Хунзаха, пастухъ опершись на длинную винтовку споллъ подлѣ самой дороги и, очень, очень пристально насъ разсматривалъ. — Проѣхавъ нѣсколько, я оглянулся —

ель исчезъ.— Не обративъ на то вниманія— я очень спокойно вторилъ Сулейману, который мечталъ объ Уискумъ, о встрече домашних— о будущихъ своихъ торгахъ и набѣгахъ. Дорога, пересѣченная холмами не представляла никакой опасности— не было на ней ни камней ни кустовъ для засады, какъ вдругъ увидѣли мы троицу всадниковъ спускающихся съ крутизны на перерѣзъ падь. Выскакавъ на дорогу они поворожили коней на встречу и сорыгнули на землю— мы шже сдержали бѣгунъ своихъ.

„Искендаръ“— сказалъ мнѣ хозяинъ мой, перекачиваясь на спрементахъ, пытая не вершится ли сѣдло.— „Изготовься— взведи курокъ ружья! эти молодцы коняшъ съ нами перевѣдаются.“ Онъ самъ исполнилъ шже— положилъ ружье поперекъ сѣдла на луку, и выщипалъ шашку въ положенъ.

„Почему ты думаешь что они враги“— спросилъ я.—

„Какъ почему“— возразилъ онъ— „развѣ ты не видишь что они подтягиваютъ подпруги . . у насъ это верный признакъ нападенія . . это кровомѣшники, это братья убитаго мною Аварца. Искендаръ не выдавай, и помни что намъ одна дорога черезъ трупы этихъ собакъ!“ Лице его вспыхнуло, зубы стиснулись отъ ярости— въ ту минуту въ немъ не было иного чувства кромѣ жадны боя. Мы начали съѣзжаться, выглядывая другъ друга . . передовой Аварецъ кинулся впередъ, сдѣлавъ вольшъ и выстрѣлилъ . . .

шимо!— Я отвѣчалъ ему и мой ударъ былъ удаченъ— онъ выронилъ изъ руки ружье, которое началъ было заряжать и выстрѣлъ въ сторону.— Въсплхъ съ выстрѣлами остальныхъ бросились мы другъ на друга . . Конь Сулеймана былъ рѣзвѣ моего и опередилъ меня нѣсколькими шагами . . я видѣлъ какъ сверкнулъ огонь, какъ свернула полоса шашки, и въ шонъ же мигъ шрупъ Сулеймана упалъ съ лошади и черепъ его сорванный могучимъ, ударился мнѣ въ грудь, забрызгавъ бурку кровью. Молодой бѣгунъ неслушая узды мчалъ меня впередъ, и я едва успѣлъ рубиуть прошивника въ спину проскакивая мимо . . шже самое было съ Аварцами . . .

Одумавшись я пересѣдалъ и удерживать заносиваго коня: хозяинъ мой былъ убитъ, для чего же живъ было лишь бой и принимать въ чужомъ шру кровавое похмѣлье?— Въ это время я уже вскакалъ въ штѣнину образованную ущеліемъ . . . одинъ Аварецъ гнался за мной и догнавъ на ружейный выстрѣлъ пустилъ вслѣдъ меня пулю. Она ранила вьючнаго коня моего, который съжалъ сзади отъ того, что я не имѣлъ времени обрубить поводъ: это меня спасло! Въ самомъ непроходимомъ мѣстѣ раненный конь вспрыгнувъ на камень опмытый буркою на шрепичу, палъ на немъ и увязнувъ вьюкомъ, легъ неопредѣленною преградю для преслѣдователя. Я продолжалъ бѣгъ свой куда глаза глядяшъ. Дорога была вовсе мнѣ незнакомая. потому что я избравъ излучистую бросился вправо, вмѣсто того чтобы ѣхать по прежней. День завечерѣлъ и съ

женишкой полился дождь. Тропинки превратились въ ручьи; ручьи въ водопады; куда не обращала я глаза тяжёлыя облака задвигали путь: я ничего не слышала кромя шума воды и ропота дубравъ нагорныхъ.—Положеніе мое было самое незавидное: если я выйду на Уисукваля меня вѣрно сочтутъ убійцею хозяина; проѣхавъ же на Парауль или на Джемунай, не зная порядочно ни одного языка и вовсе не зная дороги, было не менѣе трудно хоть и не такъ опасно. Спросить дорогу въ селеніи значило измѣнить своей одѣждѣ; не спросить завдешь Богъ знаетъ куда!—Между тѣмъ я промокъ до костей, рывкой вѣтеръ выдувалъ душу, конь мой спотыкался отъ усталости; я ужъ готовъ былъ тогда живой отдаться въ руки шолько бы отогрѣться и отдохнуть . . . и вдругъ въ то самое время когда полагалъ себя въ совершенной глуши—напикнулся на шерновый заборъ; спая собакъ окружила меня съ лаемъ.

За минуту я былъ радъ этому какъ нельзя болѣе; но путь мысль отяжлой неволѣ, въ которую могу впасть за полчаса, придала мнѣ бодрости перенести всё, биться до изнеможенія не заѣзжая въ хату, не прося гостепріимства. Но легче было рѣшиться нежели исполнить рѣшеніе: проѣхать сквозь селеніе ночью было дерзко, миновать его не зная дороги опасно. Я началъ однакожь объѣзжать околицами, по краю ущелія, по спускаясь то подымаясь по тропинкамъ выбитымъ водопадами. Нѣсколько разъ конь мой

скользилъ и падалъ . . . Огонь въ щеляхъ сверкали тамъ и сямъ сквозь щели дверей и я спарательно миновала ихъ.—Я считала себя уже мнѣ опасности, собаки переснажили меня преслѣдовать; какъ вдругъ на самомъ обрывѣ утеса стѣна скали заградила мнѣ путь . . . и хозяйинъ ея, послышавъ хрипеніе коня отворилъ двери, держа въ рукахъ пылающую головню: волею и неволею должно было просить прістанища. „Милости просимъ“ было отвѣтомъ. Я спрыгнула долой съ трепетаніемъ сердца.—

„Что такъ поздно въ пути?“ спросилъ меня хозяйинъ сурово, подбрасывая дрова въ камелекъ. Я отвѣчала, что заблудился въ попьямахъ, что я нездѣшній. . . „Впрочемъ примолвилъ я, дай пріятель разогрѣть мнѣ языкъ, я голоденъ и холоденъ и усталъ какъ борзая собака!“,—Хозяинъ мой подалъ мнѣ баранины, остатковъ просяной каши и весьма порядочнаго вина. Забросивъ стѣна лошади, я принялся за трапезу, и во избѣжаніе разпросовъ, захрапѣлъ не кончивъ ужина. Сонъ мой былъ прерывень и безпокоень: мнѣ всё снилась кровь, цѣпи, погоня. Мнѣ казалось, что хозяйинъ присматриваетъ за мною, что собираются люди . . . и каждый скрипъ, каждый шелестъ бросалъ меня въ холодный потъ. Никогда такъ не спрашна неволя, какъ во время надеждъ получить свободу. Разсвѣло.—

Не забывъ свершить передъ хозяиномъ всѣ обряды упрененной Мусульманской молишвы, мнѣ пришлось наконецъ

сказать откуда и куда я еду. "Меня послали, сказали я Ахматъ Ханъ изъ Хунбака поразвѣдать на границѣ, что дѣлаютъ Рускіе,—тамъ была слухъ, что они собираются на Аварію чрезъ Акушу!" "Вздоръ, отвѣчалъ хозяинъ. Рускіе спокойно сползъ въ Казанищахъ и въ Таркахъ. Да чего лучше узнать Ахматъ Хану объ эпомъ отъ брата Гассанъ Хана: объ хощь и клаплетси Рускимъ, а вѣдь однимъ молокомъ вскормлены!—Если хочешь вѣхатъ на Джемутай—отправимся вмѣстѣ. Алла попустилъ завѣстъ волку четырехъ моихъ барановъ, такъ надо воротить ихъ изъ Джемутайскаго стада. И безъ того, правда, кости заржавѣли—надо поразправить!" Скрывал радость свою при эпомъ неожиданномъ случаѣ выбратъся изъ земли, которой я не зналъ, изъ селенія, котораго я не смѣлъ даже спросить ямли, я хладнокровно опивчалъ, что мнѣ всё равно куда ни вѣхатъ., Мы выѣхали, хозяинъ мой былъ охотникъ поболтать, но мнѣ отвѣчать ему было очень не выгодно и я отпрѣзывалъ его спросы какъ можно крапкими и самими народными выраженіями, какъ будто давая знашь, что имѣю еще тайныя порученія. Эпо помогло. Припомъ же языкъ Аварскій, хотя довольно сходенъ съ Койсубулинскимъ, чшобы понимать его, но довольно различенъ, чшобы сдѣлать незамѣпнымъ Аварцу ошибки въ Койсубулинскомъ. Мы благополучно перебрались за хребетъ, отдѣляющій Аварію отъ восточныхъ полостей гостей покорныхъ Россіи. Уже селеніе Джемутай видѣлось вдали между горами, ужъ

я считалъ минушъ когда я буду вѣхатъ— какъ вдругъ на мое несчастіе навѣхали мы на четырехъ Горцевъ, опдыхавшихъ подъ деревомъ, между тѣмъ какъ спреноженные кони паслись вблизи... и вообразите страхъ мой: между первыми увидѣлъ я Койсубулинца нашего селенія. Я едва успѣлъ скрыть лице въ башлыкъ, но могъ ли я скрыть ся отъ ихъ вопросовъ!—Я совершенно потерялся, я не зналъ что говорить и что дѣлать. Чего я ждалъ, шо и случилось: Койсубулинецъ узналъ коня Сулейманова, вскочилъ и схвативъ его за узду, грозно спросилъ меня: „Пріймѣль укого досталъ ты эту лошадь?“, Гибель моя была неизбежна—я рѣшился. Ударъ плени по хребту моего бѣгуна былъ отивѣтомъ... онъ взвился на дыбы, опрокинулъ дерзкаго спрашивальщика и прежде чѣмъ изумленные, ничего непонимающіе Горцы вздумали кинуться на коней— я былъ далеко.

Замной однакожъ гнались съ гикомъ—опставали—наспигали опять, но конь мой былъ отличной породы... Джемутай недалеко и я спремглавъ вскакалъ въ него—и прямо къ дому Гассанъ-Хана, которой не мудроно было отличить по огромности. Когда меня ввели къ нему, я нѣсколько минушъ не могъ вымолвить слова, отъ страха, отъ надежды, отъ радости. Вы можете угадать оснальное.—Назавтръ я былъ уже въ кругу Рускихъ, въ объятіяхъ товарищей.

Дагестанъ , 1831 года.